

Иду по Садовому.

Солнце в глаза. Настроение прекрасное ни от чего. Вот так и бывает: когда ни от чего — тогда оно самое прекраснейшее из возможных.

Машины ревут, гудят, проносятся мимо, накаляя асфальт, гарь, люди проходят разные, злые, недовольные — обычные, впрочем, МОСКВИЧИ. Я уж извиняюсь, что всех под одну гребенку, но ты, читатель, точно не такой, даже если и МОСКВИЧ.

Так вот, иду я, и меня все радует. Вот радует всем назло. И радость моя такая необъятная, что только взгляни на меня — и тоже радуйся, но люди смотрят и думают, что я сумасшедший. А мне опять все равно.

В общем, иду я, все хорошо. И тут, дорогой читатель, ты должен остановить меня и спросить:

— Ну неужели ничего такого не произойдет непредвиденного, так вот и будешь идти?

Точно произойдет, и прямо сейчас.

Идут, короче, навстречу мне двое в черных костюмах, рубашки белые и галстуки красные, затянутые так, что сейчас шею перережут. Боже, думаю, мученики.

А с них еще пот не то чтобы течет, а так, малость покапывает, дискомфортно им.

И идут так прямо, вроде по параллельной линии со мной, как известно — параллельные не пересекаются, ну и слава богу. Смотрю я на них и думаю: у них ведь важное какое-то, очень важное задание, раз они так идут по жаре, мучаются, но все равно путь держат. Хоть бы галстучки с себя стянули.

И подумал: хорошо, что не про мою честь, лица у них злые, неприятные. Я писал вначале, что москвичи вообще злые, но эта такая обычная милая злость бытовая, а эти не такие. Эти, попадись им кто, наделают этому ему много неприятностей и, того и гляди, страданий. Специальные такие люди. Но не мне вам рассказывать, в последнее время их много стало. И кто их рождает? Тоже злые, неприятные? Возможно. А те откуда такие? Ну, в общем, бесконечная история.

Так вот, идут они по своей воображаемой выделенной полосе, и мы уже с ними поравнялись. Я немножечко искоса на них посматриваю (все в движении, разумеется, происходит) и провожаю их взглядом, чтоб быстрее прошли и остались позади

меня, но они совершенно внезапно меняют направление, встают напротив меня и перекрывают путь.

Тут у меня от неожиданности и нежелания в них упереться сердце сразу в пяточки уходит и начинает дико стучать, так, что приходится от такого непредвиденного стука с ноги на ногу переходить.

Один — тот, который слева и который даже более неприятный, чем его коллега, — берет в обе руки наиказненнейшую сумочку и начинает по ней пальчиками своими неприятными постукивать.

— Что с ноги на ногу-то мнетесь?

Мне от такого вопроса совсем стало не по себе, потому что, если ответить честно про сердце — что оно там, в пятках, то в одной, то в другой, попеременно, — люди эти не поверят ни за что, а наоборот, подумают, может, что хочу обмануть или провести. А специальным людям, как известно, лучше не врать.

В общем, я решил промолчать, а потом само внезапно вырвалось:

— Я вас, господа хорошие, не знаю и знать не хочу, дайте пройти!

Договорил — и со всюю своей спортивной сноровкой резко подался влево от курса, огибая препятствие, но специальные люди на то и специальные, чтобы иметь такую спортивную сноровку, что моя не то чтобы не вровень была, а просто осталась незамеченной. С такой только на олимпиадах побеждать. Один из них, который второй, внезапно вырос передо мной, не дав сделать мне ни шагу.

— А что идете и оглядываетесь по сторонам, точнее — озираетесь? Совершили что-то незаконное?

И смотрит так на меня, глазами сверлит, чтобы я начал немедленно вспоминать, что я такого незаконного совершил. Я-то, конечно, про себя смеюсь, совсем, думаю, рехнулись, а сам себя как бы не контролирую, одновременно перелистывая странички жизни и проверяя каждую прожитую на наличие противозаконных действий.

— Совершали, значит, — переспрашивает он, — раз ответить сразу не можете?

— Я?

— Вы, вы!

— Нет, — говорю уже как-то неуверенно.

— А вот в шортах и в футболке в будний день по Москве шастать — это как понимать?

— А это тут при чем? — спрашиваю и смотрю на них, а они потом истекают, завидуют, злятся.

— При том. При том, что не с работы!

— И не на работу, — добавляет второй.

— Безработный.

— Украл чего? — спрашивает тот, что сверлил глазами.

— Да вы что? — говорю.

— А вы кто?

— КБСНБСС.

— Что? — переспрашиваю.

— КБСНБСС.

Жара на улице. Ничего не понимаю, от всеобщей мозговой растерянности меня шатает. ОБХСС? Не переспрашивать же.

А один из них расшифровывает:

— Комитет быстрого и справедливого наказания без суда и следствия.

Все-таки беру себя в руки, вникаю и переспрашиваю:

— Как же может быть справедливым, но без суда и следствия? Это какая-то коллизия.

И тут один:

— Не умничайте, гражданин, не пытайтесь увести своими умными словами нас от вашего преступного деяния.

— Да я же в шутку спросил, я же понимаю, что никакого на самом деле КБСНБСС не существует, и поэтому на вашу шутку в шуточной же форме отреагировал.

Договорил и улыбнулся в надежде, что и они тоже.

Но они даже и не подумали.

Один из них, наоборот, побагровел и чуть ли не закричал на меня:

— Да как вы, гражданин, смеее ставить под сомнение существование нашей организации?

Я перепугался и начал извиняться. Стал оправдываться, что и впрямь о такой ничего не слышал.

Это немного их успокоило.

— Ну, — говорю вкрадчиво, — пойду я?

— Куда-а-а? — протяжно спросил другой и положил мне свою тяжелую олимпийскую руку на плечо.

Она, эта рука, оказалась похлеще руки командора, и организм быстро начал пропитываться виной, идущей от этой руки, которой, конечно, до этого момента не было. Сердце снова ушло в пятки.

Второй тем временем ловким движением залез в правый карман и достал кошелек.

Открыв его, он впервые улыбнулся.

— Деньги! — сказал он.

— Неужели? — переспросил второй.

Одна, две, семь, девять, тринадцать...

— Тринадцать тысяч.

— Украл? — спросил тот, что с рукой.

— Накупил на фотоаппарат? — сказал я как-то совсем неуверенно, хотя это было чистой правдой.

Второй посмотрел на меня задумчиво и сказал:

— Ну что, давай его тогда в отделение для быстрых и справедливых разбирательств.

— В какое? — испуганно переспросил я.

— Как в какое? В отделение КБСНБСС.

— Надолго?

— Возможно, навсегда, — сказал второй, и мне показалось, что он мне издевательски подмигнул.

Тут совсем я испугался и подумал, каким бы мог быть счастливым, если бы не эта дурацкая встреча.

— Да, мог быть, — сказал второй.

— Что мог быть? — снова переспросил я.

— Счастливым мог быть.

— А хочешь им быть?

— Хочет! — подтвердил второй.

— Мы тебя оставим тут, только придется изъять денежные средства в пользу нашей организации, если ты не против, — сказал второй. — Составим протокол об изъятии.

Он договорил и достал бумагу и печать из своей казенной сумки.

— Да что вы, какой, — говорю я, — протокол? Берите денежки, я буду очень рад, если мой скромный вклад пойдет во благо вашей наидостойнейшей организации.

— Принимаю ваше предложение, — сказал тот, что вытаскил бумагу, и быстрым движением вложил ее обратно в сумку.

— Может, нуждаетесь в грамоте?

— Да что вы, — говорю, — уже и без грамоты стало хо-

рошо. Боюсь, грамота только испортит.

Мужчины не стали делать из нашего прощания культа, а быстро заняли свою прежнюю полосу и пошли по уже назначенному ранее направлению.

Показалось, стало еще жарче.

Я посмотрел им вслед.

Отойдя на приличное расстояние, они остановились, скинули пиджаки, развязали галстуки и сняли рубашки.

«Так они что же, получается, нормальные люди, а вовсе не спецработники?» — подумал я. Все же порадовался за них, что они нормальные. И тринадцати тысяч, чтобы убедиться в том, что эти двое совершенно незнакомых человека оказались совершенно нормальными, было совсем не жаль. Вот как оно бывает.

Хорошо-то как, подумал я. Настроение стало не прекраснейшим, а наипрекраснейшим.

г. Москва

